
Глава II

ДЕТСТВО В КАЛИНОВКЕ: 1894—1908

Никита Сергеевич Хрущев родился 15 апреля 1894 года в селе Калиновке на юге России¹. Его родители, Сергей Никанорович и Ксения (Аксинья) Ивановна Хрущевы, были бедными крестьянами, как и крестные отец и мать, окрестившие маленького Никиту в сельской Архангельской церкви. В Калиновке Никита Хрущев прожил до 1908 года, когда его семья переехала в шахтерский город Юзовку на востоке Украины. Первым четырнадцати годам своей жизни Хрущев посвятил лишь несколько страниц в многотомных мемуарах, надиктованных им в последние пять лет жизни. «С самого начала отец заявил, — вспоминает Сергей Хрущев, — что не собирается описывать свою жизнь, начиная с детства. Хронологических повествований он терпеть не мог, они нагоняли на него тоску»². Однако жизни в Юзовке он в своих мемуарах уделил больше внимания да и прежде в различных анкетах и выступлениях называл своего отца не крестьянином, но рабочим или шахтером. Тому была политическая причина — лидеру рабочей партии предпочтительно иметь пролетарское происхождение — но, по-видимому, дело было не только в этом. В жизни Калиновки было немало такого, о чем ее уроженец, достигший высочайших постов, предпочитал не вспоминать³.

В наши дни, чтобы добраться от Москвы до Калиновки, надо сесть на поезд, идущий до Курска, расположенного примерно в ста километрах от украинской границы. Оттуда вы часа два тащитесь по разбитым проселочным дорогам до Дмитриевки, поворачиваете на юг к Хомутовке (районному центру с населением в шесть тысяч жителей), а затем — на юго-запад, к Калиновке⁴.

В конце июня бескрайние поля вокруг родного села Хрущева утопают в зелени. Почва здесь не столь плодородна, как соседние черноземы, но гораздо более щедрa, чем на севере, в Подмоскoвье. Кажется, деревни, затерянные среди этих весело зеленеющих полей, должны процветать. Однако и через столетие после рождения Хрущева весной, когда ежегодный паводок превращает неасфальтированные проселки в грязь, большая часть деревень оказывается отрезана от мира. Главные улицы в большинстве из них — это грязные дороги, изрытые глубокими колеями. Дома — деревянные, по большей части покосившиеся.

На малой родине Никиты Хрущева главная улица заасфальтирована, как и дорога от Калиновки к Хомутовке. Асфальт был проложен во времена, когда Хрущев находился у власти. В то же время на главной площади села вырос потрясающий ансамбль: неоклассический Дворец культуры с четырьмя колоннами (выстроенный, говорят, на месте церкви, где крестили Никиту), общежитие сельскохозяйственного училища, перемещенного из Курска в Калиновку, и пятиэтажная школа, которая служила гостиницей для российских и зарубежных гостей, приезжавших полюбоваться цветущей Калиновкой, когда она находилась под благодетельной опекой Хрущева. За площадью раскинулся большой пруд, а с другой стороны, вдоль дороги в Хомутовку, выстроился аккуратный ряд домиков из красного кирпича, которые прекрасно смотрелись бы в любой английской деревне. Живут в этих домиках обыкновенные колхозники, чей колхоз до 1964 года носил гордое название «Родина Хрущева».

Пройдя мимо Дворца культуры и обогнув озеро, мы выходим на дорогу, вдоль которой пасутся козы. Она ведет нас в «старое село»: массивная стела сообщает нам, что «здесь родился и провел детство Никита Сергеевич Хрущев». Дом, в котором он родился, давным-давно снесен, но на его месте стоит чистенький кирпичный домик, готовый к приему туристов. Крестьянка, живущая в этом доме, с гордостью показывает нам большой портрет Хрущева в красном углу — там, где прежде висели иконы.

В 1894 году Калиновка и близко не имела того «идеального облика», какой она обрела при Хрущеве. После отмены крепостного права в 1861 году часть земли, которую обрабатывали крестьяне, перешла в их собственность: однако даже для наиболее зажиточных крестьян освобождение вовсе не означало процветания. Освобожденные крепостные получили слишком мало земли и вынуждены были выплачивать за нее непомерный выкуп. Население деревень быстро росло,

а производительность сельского хозяйства падала. Прибавьте к этому индустриализацию, проводимую царским правительством, растущие цены на землю и падение цен на зерно: в результате всего этого к концу девятнадцатого столетия русская деревня переживала тяжелейший кризис. К 1900 году большинство крестьян зарабатывали земледелием едва ли четверть необходимого прожиточного минимума: прочее они получали, нанимаясь батраками к помещикам или богатым соседям и, таким образом, возвращаясь к положению полукрепостных⁵.

Согласно отчету о жизни крестьянства, опубликованному в России в 1888 году, все крестьяне, как богатые, так и бедные, за очень редкими исключениями, жили в тесных крестьянских избах, площадь которых составляла пять — семь метров в длину и ширину. «На этом пространстве, иногда разделенном на две комнаты, теснятся и взрослые, и дети. Воздух в избе столь душен и сперт, что наши гигиенисты вынуждены признать за ее бревенчатыми стенами оздоравливающие свойства — иначе остается непонятным, почему обитатели избы в буквальном смысле не задыхаются»⁶.

Другой отчет, начала двадцатого века, добавляет такие детали: «Все еще распространены дома без труб... Крыши почти у всех изб соломенные, часто худые; зимой, чтобы сохранить тепло, крестьяне обмазывают стены навозом. Семья крестьянина... спит на скамьях, лавках и на печи... Бань практически нет... Крестьяне почти не пользуются мылом... Кожные заболевания... сифилис... эпидемии, недоедание... Мясо, ветчина, растительное масло появляются на столе лишь по праздникам, два-три раза в год. Обычный стол крестьянина состоит из хлеба, кваса, часто — капусты и лука; осенью к этому добавляются еще некоторые свежие овощи»⁷.

За два года до рождения Хрущева население Калиновки составляло 1197 человек, из них 588 мужчин и 609 женщин. В 156 избах в среднем проживали по восемь человек⁸. В середине девятнадцатого столетия большинство изб в деревне Вирятино в соседней Тамбовской губернии были курные, темные, с закопченными от дыма стенами: в зимние месяцы вместе с людьми там жил и домашний скот. Правда, к началу двадцатого века в Вирятине остались всего две-три курные избы⁹. Что же касается работы — в том же отчете 1888 года сказано: «Всякий, кто писал о русской деревенской жизни, даже всякий, что несколько месяцев провел в деревне, знает, что трудно вообразить себе труд тяжелее и утомительнее крестьянского...»¹⁰ Уже с шести-семи лет деревенские ребяташки ходили за водой, за дровами и приуча-

лись к полевым работам. В восемь-девять они пасли коров и овец, а к тринадцати работали в поле наравне со своими отцами, от рассвета до заката¹¹. Хрущев начал работать, в сущности, едва научившись ходить. Совсем ребенком он пас телят, овец, а затем и коров в близлежащем поместье, где работал его отец¹². Фотографий маленького Никиты у нас нет, но нетрудно представить бойкого рыжеволосого парнишку, до шести-семи лет — в одной крестьянской рубашонке, позже — в грубых домотканых штанах, льняных или шерстяных¹³. Сам он вспоминал, что мальчишкой с ранней весны и до поздней осени бегал босиком: «Каждый в деревне мечтал о паре ботинок. Для нас, ребятишек, большим счастьем было, если перепадала пара приличной обуви. Носы мы вытирали рукавами, штаны подвязывали веревкой»¹⁴.

Для мальчика вроде Никиты, здорового и много времени проводящего на открытом воздухе, такое существование было терпимым. Однако позже, говоря о жизни беднейшего крестьянства, он неизменно описывал ее как ужасную, жалкую и нуждавшуюся в коренных переменах. Пастухи вроде него были, по его воспоминаниям, «беднейшими из бедных»¹⁵. Единственной доступной обувью Хрущева в Калиновке были лапти, не защищающие ни от холода, ни от сырости. Лапти были символом крестьянской бедности. Гораздо позже, уже став во главе Советского Союза, Хрущев не раз повторял, что его страна «вышла из мужицких лаптей». По иронии судьбы, своей выходкой на заседании ООН осенью 1960 года, где он стучал башмаком по столу, Хрущев лишь укрепил мнение о себе как о грубом и невежественном «русском мужике».

Работа в Калиновке едва ли могла воспитать в ребенке вкус к изящному; то же можно сказать и о крестьянских развлечениях, главным из которых вплоть до рубежа веков оставались кулачные бои стенка на стенку. Они устраивались по праздникам — в Рождество, Богоявление, а также на Масленицу. В Вирятине «деревня делилась на два конца — две команды: они собирались на лужайке возле церкви. Дрались в обычной уличной одежде. Строго-настрога запрещалось использовать что-либо, кроме кулаков: нарушитель изгонялся с поля... В бою принимали участие не только взрослые мужчины, но и подростки. Заводилами выступала молодежь, за ней в бой вступали взрослые. Каждый боец выбирал себе партнера [то есть противника], равного по возрасту и телосложению: так, молодые не бились со стариками, и т. п. Кое-кто перед боем выпивал для храбрости. Вся деревня сходилась посмотреть на драку»¹⁶.

Образование в жизни русских крестьян, подобных Хрущевым, ценилось невысоко. В 1881 году всего 46 из 922 взрослых жителей Вирятина умели читать. К концу столетия число учеников в деревенских школах несколько возросло; однако крестьянские дети посещали школу всего два-три года. Родители забирали детей из школы, как только те «начинали кое-как различать буквы». Один крестьянин вспоминал, как однажды весной его отец объявил: «Снеси-ка книжки обратно в школу. Хватит глупостями заниматься, пахать пора»¹⁷.

Существовало две разновидности деревенских школ: церковно-приходские и земские¹⁸. Никита Хрушев, по-видимому, посещал и ту и другую, но в общей сложности не более двух лет¹⁹. Земские школы считались лучше церковно-приходских, хотя обе были далеки от идеала. В Вирятине земские школы «не удовлетворяли самым основным образовательным и даже санитарным требованиям», однако в двухклассной приходской школе преподавание было поставлено «еще хуже»²⁰. Учебный план в школах обоих типов включал в себя чтение, письмо, арифметику и Закон Божий, преподаваемый местным священником; однако, согласно исследованию, проведенному в 1913 году в другой губернии, «большинство учеников овладевали лишь элементарной грамотностью — умением читать; даже писать далеко не все умели». Преподавание было не только дурно организовано, но часто сознательно велось так, чтобы не внушать ученикам интереса к учебе. Так, в распоряжении главы Вирятинского уезда до 1887 года говорится: «Не следует учителям поддаваться желанию поделиться с учениками всем, что им известно о преподаваемом предмете»²¹.

Дед Хрушева по материнской линии был поистине беднейшим из бедняков. «Он не умел ни читать, ни писать, — вспоминал Хрушев. — Мылся два раза в жизни: первый раз — когда его окунали в крестильную купель, второй — когда обмывали для похорон»²². Вернувшись из армии, где прослужил двадцать пять лет, дед Хрушева, по рассказу внука, осел и начал крестьянствовать²³. Однако его корова «давала ровно столько молока, чтобы забелить суп» и тем скрыть отсутствие в нем картофеля²⁴. У деда Хрушева было три дочери: матерью Никиты стала Ксения (Аксинья). Когда подросла, она вместе со старшей сестрой Александрой отправилась в деревню Тишкино, где зарабатывала мытьем полов у местного помещика.

Деду Хрущева с отцовской стороны больше повезло в жизни. Никанор Хрущев, родившийся в 1852 году, был сыном крестьянина, в 1816 году бежавшего от помещика²⁵. Никанор служил в армии вместе с отцом Ксением. Однако, когда сын Никанора Сергей женился на Ксении и привез ее обратно в Калиновку, по рассказу Никиты Хрущева, «не успели они войти в дом, как его отец указал им на дверь. По тогдашнему обычаю, едва старший сын женился, отец отправлял его вон из дома, не выделяя ни земельного надела, ни иного имущества. Отец и мать переехали и поселились в другом месте, но жили в бедности»²⁶.

Здесь Хрущев ошибается: такого обычая у русских крестьян не было. Сыновья и невестки, как правило, жили вместе с родителями и вносили свой заработок в общий котел: к разделу хозяйства приводили только серьезные конфликты между поколениями. Такие разделы «происходили по желанию главы семейства или его сына, как правило, вследствие неустраимых разногласий между отцом и сыном». Только в таких случаях отец мог выгнать сына из дому «ни с чем или почти ни с чем, или же бунтарь-сын уходил из дому, не спрашивая позволения отца и рискуя не только навлечь на себя отцовский гнев, но и лишиться наследства»²⁷.

Если отца Никиты Хрущева и можно назвать жертвой обычая, то только в этом, последнем смысле. Никанор Хрущев выгонял Сергея из дому не один раз, а дважды. Безземельный бедняк, не имеющий никаких перспектив в родной деревне, Сергей покинул семью и отправился за 440 километров к юго-востоку, в донбасский город Юзовку. Там, по рассказу его сына Никиты, Сергей «сперва устроился разноработчим на железную дорогу: сортировал шпалы, ровнял насыпь, ставил столбы, копал дренажные канавы. Когда эта сезонная работа кончилась, нанялся на кирпичную фабрику. Сперва месил глину и лепил кирпичи, а потом его допустили и к печи для обжига. Однако и это была временная работа»²⁸.

В Юзовке отец Никиты Хрущева заработал достаточно денег, чтобы поддержать семью и, кажется, вернуть себе уважение отца. По всей видимости, Сергей с семьей вновь поселился в доме Никанора Хрущева; далее Никита Хрущев рассказывает: «Отцовские деньги кончились, и дед снова выгнал нас из дому. Мы оказались в глиняной мазанке с грязным полом и крохотными оконцами. Меня дедушка любил. На ночь он пускал меня к себе в избу, на печь. Отец отправился в соседнюю деревню и нанялся батраком к по-

мешику. Мать тоже ушла на заработки: стирала и шила одежду другим таким же крестьянкам»²⁹.

Два раза подряд лишившись относительно сносного существования, Ксения Хрущева никогда не давала мужу об этом забыть. Никита Хрушев вспоминал, как родители строили себе избу и как мать «на этой работе надорвалась и потом до самой смерти страдала грыжей»³⁰. Сама Ксения говорила, что вся работа легла на ее плечи, пока муж был в Юзовке. «Засосала моего шахтерская жизнь, — жаловалась она. — Сорвал он нас [в конце концов] из деревни на Успенский рудник»³¹.

Вдобавок к безземельности Сергей и Ксения Хрущевы были безлошадными. В Вирятине богатство семьи оценивалось прежде всего по количеству лошадей. Почти в половине из 252 вирятинских дворов было по две-три лошади, в 71 — по одной, и лишь в 28 беднейших домах лошадей не было вовсе³². «Мужик без лошади — не мужик, — говорили в деревнях, — он хворост на себе таскает»³³. Снова процитируем Хрущева: «Отец... работал зимой на шахтах, надеясь накопить денег и купить лошадь, чтобы выращивать достаточно картошки и капусты на прокорм семье. Но лошадь мы так и не завели»³⁴.

Хрушев вспоминал, что его родители лелеяли эту мечту даже после 1908 года, когда переехали в Юзовку. Там отец работал на шахтах, мать стирала белье, а сам он чистил паровые котлы. Однако «и отец, и мать — особенно мать — мечтали о том дне, когда вернутся в деревню, о домике, лошади и своей земле»³⁵.

В том, что мечта никак не становится явью, Ксения Хрущева винила мужа. По словам невестки Хрущева Любови Сизых, впервые встретившейся с Ксенией в конце 1930-х годов, свекровь почти не заговаривала о своем недавно скончавшемся муже, если же и упоминала о нем, то «без уважения», «как о никчемном человеке». Мать Хрущева — широколицая, суровая на вид, с гладко зачесанными назад волосами — была «сильной женщиной», а ее муж — «слабым», продолжает Сизых. «Ксения была не просто умной, но по-настоящему мудрой женщиной. Будь у нее хоть какое-то образование — о, это было бы нечто!»³⁶ Нина Ивановна Кухарчук, племянница, жившая в семье Хрущевых с 1939 по 1949 год, описывает Ксению как «решительную женщину. Она даже с Ниной Петровной [женой Хрущева] бывала сурова». Нина Ивановна также отмечает, что о Сергее, умершем незадолго до ее появления в доме, «никто не упоминал»³⁷.

В 1991 году в Калиновке еще жила очень пожилая женщина, помнившая семью Хрущевых. «Мать его была женщина с сильной волей, женщина-боец. Отважная, никого не боялась. Отец — тот гораздо мягче, добрее, а вот она никому не давала спуска»³⁸. Слушая эту женщину, сын Хрущева Сергей кивал в ответ. «Именно так нам о них рассказывали, — соглашался он. — Он — мягкий и слабый, а она держала его под каблуком».

Первый конфликт между отцом и сыном произошел, когда Сергей забрал Никиту из школы и отправил работать в поле. «Я провел в школе год или два, выучился считать до тридцати, и отец решил, что учения с меня хватит. Все, что тебе нужно, сказал он — выучиться считать деньги, а больше тридцати рублей у тебя все равно никогда не будет»³⁹. Позже, в Юзовке, Сергей попытался пристроить сына в ученики к сапожнику. «Отец говорил, что сапожник никогда без хлеба не останется: сапоги всем нужны, так что у меня всегда будет крыша над головой и деньги в кармане». Но Никита не захотел быть сапожником. Тогда отец предложил другой вариант: «устроить меня продавцом в лавку». Ему «нравились продавцы в шахтерской лавке: какие они вежливые, как стараются услужить рабочим и предлагают им лучшие товары». Но сыну и эта профессия не пришлась по душе. «Я отказался наотрез. Даже пригрозил отцу, что, если он заставит меня работать в лавке, убегу из дому»⁴⁰.

Предложения Сергея не устраивали Никиту тем более, что от его внимания не ускользало презрение деда и матери к отцу. Конечно, при бедности Сергея Хрущева место сапожника или продавца в лавке стало бы для его сына неплохой «карьерой»: однако сам Никита мечтал о большем. Возможно, его амбиции поддерживали любовь дедушки, а также надежды, возлагаемые на него матерью. У Никиты была сестра Ирина, двумя годами младше его, однако для матери он всегда оставался любимым ребенком. Любовь Сизых вспоминает, что Ксения «боготворила» сына, называла его «царем» и хвалилась: «Я всегда знала, что из него выйдет большой человек!»⁴¹

Получив в начале 1930-х годов важный партийный пост в Москве, Никита Хрущев привез в столицу своих родителей. Однако, если верить Раде Аджубей, ее дедушке и бабушке не слишком-то нравилась жизнь в большом городе. По словам Алексея Аджубея, они переехали, потому что «сын сохранил традиционно русское уважение и привязанность к родителям, а те, в свою очередь, знали, что он приглашает их к себе от чистого сердца»⁴².

Однако сам Аджубей признает, что отношения Хрущева с отцом остались для него загадкой. Вскоре после переезда Сергей Хрущев начал болеть и в 1938 году умер в больнице для туберкулезников. Его похоронили на близлежащем кладбище, однако, по словам Рады, до отъезда в Киев в том же году Хрущев ни разу не побывал на могиле отца. В 1949-м, когда они вернулись в Москву, он даже не упоминал о своем покойном отце — Рада так и не узнала, где же находится его могила⁴³.

Родные Хрущева отказываются видеть в этом признак неуважения или недостатка любви. Коммунисты, говорят они, терпеть не могли любых проявлений сентиментальности; к тому же Хрущев работал без отдыха, и на посещение дорогих могил попросту не оставалось времени. Однако могилу своей матери в Киеве Хрущев навещал часто⁴⁴.

«Тот, кто был у матери любимчиком, — пишет Зигмунд Фрейд, — входит в жизнь как завоеватель, с уверенностью в успехе, зачастую обеспечивающей реальный успех»⁴⁵. Стремление к политической власти, добавляет Гарольд Лассуэлл, часто уходит своими корнями в детство: сильная женщина, вышедшая замуж за недостойного ее человека, в стремлении «оправдаться» возлагает надежды на детей⁴⁶. Однако человеку, чей отец постоянно разочаровывал родных, слишком хорошо известны горечь поражения и страх перед презрением близких. Значит, тем важнее для Хрущева было пойти дальше отца — хотя собственная блестящая карьера и порождала в нем чувство вины перед отцом, которому не суждено было достичь таких высот. Можно сказать, что и стремление Хрущева к власти и известности, и двойственное отношение к ним объясняются условиями его детства⁴⁷.

Кроме матери, влияние на маленького Никиту оказывала учительница калиновской земской школы. В отличие от преподавателя приходской школы, который «лупил ребят линейкой по рукам и по лбу» и «заставлял нас зубрить, ничего не понимая»⁴⁸, Лидия Михайловна Шевченко была свободомыслящей атеисткой. «Она не ходила в церковь, — рассказывал Хрущев. — Вот этого мужики ей простить не могли. Хотя все ее очень уважали, но... раз в церковь не ходит, значит, что-то с ней не так».

«В доме у Лидии Михайловны я впервые увидел запрещенные [политические] книги, — продолжает Хрущев. — Однажды я к ней зашел, а у нее был ее брат, приехавший из

города, он лежал в постели. И она говорит: “Это тот мальчик, о котором я тебе рассказывала. Он у меня просит запрещенную литературу”. А ее брат улыбается и отвечает: “Так дай ему. Может, он что-нибудь там и разберет — а потом, когда вырастет, об этом вспомнит”»⁴⁹.

Первая встреча с запрещенной литературой — классический сюжет русских революционных мемуаров. Брат Лидии Шевченко (если молодой человек, лежавший в ее постели, действительно приходился ей братом), как видно, обладал даром предвидения. Однако Хрушев больше вспоминает не о запрещенных книгах, а о своих успехах в «разрешенных» науках: «Особенно удавалась мне математика. Я все задачи решал в уме. Часто я замещал Лидию Михайловну, когда она уезжала в город, или поправлял ее собственные ошибки. После окончания школы — отучился я в общей сложности четыре года — Лидия Михайловна сказала мне: “Никита, тебе нужно учиться дальше. Не оставайся в деревне, поезжай в город. Такому человеку, как ты, надо учиться, надо получить образование”. Эти слова на меня сильно повлияли: но как раз тогда у отца кончились деньги и дед выгнал нас из дому во второй раз»⁵⁰.

В 1960 году, достигнув таких высот, каких Лидия Шевченко и представить себе не могла, ее бывший лучший ученик упомянул в выступлении свою учительницу. Помощники Хрущева немедленно разыскали ее и привезли в Москву, где она выступила на педагогической конференции — там она рассказывала, в частности, о нищете и неустроенном быте дореволюционной Калиновки. Внучка Хрущева Юлия приводит этот эпизод, чтобы показать, как подхалимы, окружавшие ее деда, сделали сенсацию из случайного упоминания о человеке, который в реальности не так уж много для него значил. Однако необычный случай, произошедший с Хрушевым десять лет спустя, за день до смерти, заставляет взглянуть на это по-иному.

В сентябре 1971 года Никита Сергеевич и Нина Петровна Хрущевы навещали Аджубеев на их подмосковной даче. После обеда семья отправилась на прогулку по лесу; Хрущеву стало нехорошо, и он присел отдохнуть на складной стул, который всегда носил с собой. Когда прочие отошли подальше, Хрушев заговорил с Алексеем Аджубеем в несвойственном ему мягком, задумчивом тоне. «Когда я был маленьким, — заговорил он, — и пас коров, как-то в лесу, такой же осенью, мне встретилась на полянке старуха. Долго смотрела в глаза, я даже оторопел. Услышал от нее странные слова: “Мальчик, тебя ждет большое будущее...”»⁵¹

В ту же ночь Хрущеву стало хуже: случился тяжелый сердечный приступ, от которого он так и не оправился.

«Что это означало?» — спрашивал Аджубей о калиновском видении своего тестя. Очевидно, в этом видении отразилась внушенная мальчику матерью и учительницей мысль, что он создан для большего, чем достиг или желал для сына отец.

Материнскому воспитанию Хрущев обязан обостренным чувством справедливости, ответственности, живой совестью, способной пробуждать чувства вины и стыда. «Мать была очень религиозна, — вспоминал Хрущев, — как и ее отец — мой дедушка... Помню, как меня учили становиться на колени и молиться в церкви, вместе со взрослыми»⁵². Вспоминая о детстве, Хрущев мог «ясно представить ряд икон на стене нашей бревенчатой избушки»⁵³. В марте 1960 года, в речи, произнесенной во Франции, он заметил даже, что был «примерным учеником по Закону Божию»⁵⁴.

В отличие от большинства своих сверстников, Хрущев не употреблял ни табака, ни алкоголя — пока Сталин не приучил его пить, а тяготы Великой Отечественной войны не заставили взяться за сигареты. В этой воздержанности тоже отразилось влияние матери. Отец также пытался научить сына умеренности, но не слишком разумным путем: пообещал Никите золотые часы, если тот не будет курить, однако выполнить свое обещание так и не смог⁵⁵.

В идеализме Хрущева чувствуются отголоски религиозного воспитания. После ужасных условий жизни в Калиновке и Юзовке не стоит удивляться тому, что он с такой радостью бросился в пучину революции. Коммунизм представляет собой своего рода светскую религию: в сознании Хрущева коммунистические идеи упростились до веры в лучшую жизнь для всех простых людей. Однако коммунистическая партия требовала от него не только компромиссов, но и прямых сделок с совестью. Вот почему Хрущев в конце концов выступил против Сталина и сталинизма. Разумеется, сперва он достиг вершин власти, ценой бесчисленных жизней спас собственную жизнь, дождался смерти Сталина — но после этого все-таки нашел в себе силы восстать.

На первый взгляд странно предполагать, что в запоздалом и неполном покаянии Хрущева сыграло какую-то роль религиозное чувство. Он гордился своей ненавистью к «мракобесию» и зарекомендовал себя более яростным гонителем религии, чем Сталин⁵⁶. Однако Андрей Шевченко, его бли-

жайший помощник на протяжении двадцати пяти лет, настаивает, что в глубине души Хрущев боялся Бога. По его словам, когда они в первый раз после смерти Сталина посетили Киев, «Хрущев поставил на могиле матери крест, встал перед ним на колени и перекрестился»⁵⁷.

Не менее противоречивым, чем отношение к религии, было и отношение Хрущева к земле. Став партийным лидером, он почувствовал себя ведущим экспертом по сельскому хозяйству: постоянно посещал колхозные поля, раздавал указания колхозникам и агрономам. Речь Хрущева, сочная, образная, насыщенная солеными присказками и поговорками, позволяла ему успешнее, чем кому-либо из советских лидеров, находить общий язык с крестьянами. На территории государственных резиденций Хрущева садовники выращивали бесчисленное множество разных, в том числе экспериментальных культур, а после отставки он большую часть своего времени посвящал работе в саду.

Хрущев искренне любил землю и так же искренне хотел улучшить жизнь крестьян. Однако как в молодости, заполняя различные анкеты, так и в более поздний период — в речах и мемуарах — он называл себя не крестьянином, а рабочим. Сельскохозяйственных назначений он старался избегать и принимал их лишь когда на этом настаивал Сталин. В мемуарах Хрущева можно найти немало резких и обидных слов в адрес крестьянства. Ему хотелось модернизировать крестьянский быт, в его представлении грубый и примитивный. Хрущев наезжал в Калиновку порой по два раза в год, но не для того, чтобы окунуться в знакомую с детства жизнь, а чтобы насладиться переменами, преобразившими родное село. Нигде больше он не встречал такой благодарной аудитории; однако если бывшие односельчане осмеливались ему возражать, он выходил из себя и принимался кричать на них. Шевченко может объяснить эти сцены только тем, что, несмотря на детство, проведенное в Калиновке, Хрущев не понимал и не чувствовал «психологии мужика».

Двойственное отношение Хрущева к крестьянам отчасти объясняется его приверженностью марксизму-ленинизму. Большевики видели в крестьянах опасных реакционеров, пленников того, что Маркс назвал «идиотизмом деревенской жизни»⁵⁸. Ленин и его последователи призывали «стереть грань между городом и деревней». Мне могут заметить, что решимость Хрущева преобразить крестьянский быт носит скорее идеологический, чем личный характер. Пусть так, но почему его привлекла именно эта идеология? Имен-

но потому, что, как и многие русские крестьяне, в начале двадцатого века устремившиеся в города, Хрущев прочувствовал «идиотизм деревенской жизни» на собственной шкуре и ненавидел его всей душой; потому, что, как и многие его товарищи, питал наивную веру в образование и культуру, несвойственную коренным обитателям городов⁵⁹. Хрущев дважды прерывал многообещающую политическую карьеру, чтобы продолжить образование. Он стремился сдружиться с ведущими представителями культурной и научной интеллигенции, часто посещал театр. В конце концов он начал считать себя экспертом не только в сельском хозяйстве, но и вообще почти в любой области знания. Такой образ вполне соответствовал его представлениям о всезнающем коммунистическом лидере и приятно тешил самолюбие. Хрущев хотел преобразить не только деревню, но и себя самого. Однако, как ни старался, до конца жизни он не смог вытравить из себя наследие Калиновки.